

Глава XLV

Где берег достигнут, а мы должны сказать: «До свидания»

В этот самый день, когда Принцесса нашла сына, судьба готовила возмездие за доставленное ей счастье, как только она вернулась домой.

Домашний доктор входил и выходил из хорошенького домика Дяди Соля чаще обыкновенного в тот день, и соседи из класса Любопытных-Неумолимых и Любопытных-Мимоходов чаще выглядывали из окон и еще усерднее шептались. Первые всегда смелее вторых, даже бегали с самого утра по городу, разнося известия и уверяя за достоверное, что Соломон Бробите был разбит параличом вследствие внезапного испуга по тому случаю, что глухая Мистрисс Бробите – его мать – в первый раз в продолжение последнего сорокалетия ответила ему правильно на сделанный им вопрос.

Но пока сплетни разносились по городу быстрее легкокрылого ветра, в доме Мистера Бробите царствовала лишь одна печальная действительность – та, что маленькая Бетси очевидно угасала, и доктор объявил, что она не доживёт до вечера.

Тихо и неслышно ступают по дому обитатели жилища, говоря шепотом и боясь потревожить малейшим звуком умирающего, всеми любимого ребенка.

Принцесса и Соль сидят, не отходя от постели ее и глядя на неё, в то время как лежит она, бледная и прозрачная, с таким Небесным терпением в глазах; старики чувствуют, что даже Смерть обойдётся с нею ласково, дотронувшись так тихо до нее своей ледяной рукою, что ни одна черта не изменится этого прекрасного ангельского личика под прикосновением Ее!

В последний раз, как выходила она погулять с Дядей Содем по городским улицам, детская фантазия ее была поражена дешёвой гравюрой, которая и была тотчас же куплена для нее стариком.

Гравюра представляла густое дерево, усеянное почками, из которых некоторые приготовлялись распусться, а другие едва только формировались. Фантазия, водившая рукою неизвестного, быть может, фанатично набожного живописца, представила только одну из бесчисленных почек дерева, которая вполне распустилась, и из этой почки выглядывала среди цвета маленькая ручка ребёнка, как бы протягивающаяся к другой руке. Над деревом¹ парил Ангел, лик которого сиял как бы Небесным светом, игравшим нежными лучами вокруг его головы. Одна из простёртых рук его к дереву ласково обхватила уже маленькую ручку из почки; а на шее Ангела повисло несколько других детей, очевидно, появившихся из остальных засохших почек. Вдали летел, направляясь к Небесам, другой Ангел, уносивший других детей.

Повешенное против кровати Бетси это незатейливое произведение привлекало к себе первые и последние взгляды девочки каждое утро и вечер. Глаза ее устремлены на картину и теперь с загадочным выражением ожидания.

«Дядя Соль, – говорит она, усиливаясь повернуть голову к старику, – вы *совершенно*, совершенно уверены в том, что вот та большая почка (указывая худеньким пальцем) не распускается? Посмотрите, как она как бы готова лопнуть...»

Старик уверяет её, что ей это так только кажется, что «почка не может распусться на картине», добавляет он, стараясь улыбнуться сквозь слёзы. Но Бетси только качает головою, настаивая на том, что она видит даже, как рука Ангела приближается к той почке, и что она *чувствует*, что сама почка шевелится.

Яркое, хотя холодное Декабрьское солнце светит в морозное окно, и Принцесса спешит закрыть внутренние жалюзи², боясь, чтобы лучи его не потревожили девочку. Но Бетси молит её отпереть их снова, говоря, что она желает, чтобы всё было как можно светлее возле неё в этот день, и желанье её исполнено.

«Кто знает, – добавляет странная малютка, задумчиво глядя на картину, – может быть солнце и поможет почке скорее распусться! Я так хотела бы, чтобы Ангел взял меня за руку скорее...»

---

¹ Далее зачеркнуто: б.

² жалюзи (англ. *jalousie*).

Ярко освещают лучи картину, проливая свое сияние и на девочку, золотя ей волосы и нежное, как самый чистый алебастр, личико. Всё еще держа руку старика в своей руке, она заснула и спит тихим, спокойным сном с улыбкой счастья на устах около часа. Старый Бробите не шевелится, и в комнате царствует тишина, прерываемая лишь легким дыханием ребёнка да падающими крупными слезами старика и старухи. Наконец Бетси делает движение, и Бробите, видя смертельную, всё усиливающуюся бледность в ней, чувствует, что настал конец...

Открыв глаза, ребёнок бросает взгляд на картину и, силясь встать, восклицает радостным дрожащим голосом:

«Дядя Соль, бабушка... посмотрите: почка распускается – вот и пальчики показываются уже!»

Но они не отвечают ей и не скрывают даже слёз, потому что знают, что то предсмертный бред ребенка, а только жадно прислушиваются к последним словам девочки.

Бробите осторожно опускает её на подушки и не спускает с неё глаз, но Бетси смотрит на картину.

Через несколько минут она слабо пожимает руку старика и тихо произносит:

«Прощайте, дорогой Дядя Соль, поцелуйте меня – и вы, бабушка милая, также... Смотрите, – восклицает она, пристально вперила глаза на картину. – Смотрите! Почка распустилась – рука Ангела достигает уж до моей руки... Как темно сделалось, а лицо Ангела сияет как золото!.. Ах – вот – вот мама, и она – уводит свою – уставшую маленькую девочку с собой – наконец!»

С тихой, сияющей Ангельским счастьем улыбкой детская головка опускается и детская жизнь отлетает.

Еще один день канул в вечность, унося с собою в неизмеримое пространство события, принесённые с собою к добру, как и ко злу. Весть о смерти Бетси достигает Дэтчери, и с тяжелым сердцем он благодарит судьбу, что выдержал данное себе обещанье, не выдав лично ребёнка, так как знакомство с нею, столь похожей на любимую сестру, принесло бы только много лишнего горя для больного, исстрадавшегося сердца его.

В древней, старинной гостиной Минор-Канона собралось целое общество слушателей дневника Джона Джаспера. Вокруг весело трещащего в камине огня за большим круглым столом сидят в терпеливом ожидании все наши старые знакомые и друзья. Добрая Фарфоровая Пастушка одна выказывает знаки неудовольствия, боясь, чтобы чтение всей этой «языческой мерзости», по ее собственному выражению, не растравило бы многих еле заживающих ран в ее маленьком обществе. Пёстрый Тропический Змей подвергается в этот вечер в ее быстрых пальцах всем предсмертным истязаниям, придуманными ее деревянными спицами. Но суровая логика ее неодобрения растаяла, как по обыкновению, под сыновними поцелуями слабого и добродушного Септимуса.

«Ма, дорогая моя, – сказал он ей, – всё это придумано Эдвином, и он нашел бы отказ с моей стороны очень, очень неделикатным. К тому же и Дэтчери...»

«Ну уж лучше и не упоминай о твоём Дэтчери. Этот человек производит на меня впечатление вампира с своим бледным жестоким лицом и седыми кудрями!»

«Вампира, Ма! – произносит оторопевший Септ. – Но Дэтчери благороднейший и добрейший малый!»

«Может быть, не спорю. Только этот благороднейший и добрейший человек был бы – лишенный этих двух спасающих его качеств – хуже самого Джона Джаспера, – отвечала старая лэди с неумолимой, присущей всем лэди парадоксальной логикой. – Я это чувствую».

Побив противника на этом пункте, старая лэди, как все крепости, тратящие слишком поспешно заряды свои, принуждена была под конец сдаться и капитулировать.

И так общество собралось. Приехал с вечерним поездом и Мистер Грейджиус, таща за собою, как тащит маленький буксирный пароход боязливое купеческое судно, старого Мистера Пеккрафта; последний, окончательно закалившись в своих кругосветных путешествиях, решил снова выползти из раковины для этого случая. Явился и Клоистергэмский Пророк, который

оправдывал своим присутствием в обществе Эдвина справедливость Библейского замечания³; Непогрешимый заявлял о приближении Великого Ума сильным пыхтением и сопеньем из прихожей. Позднее всех появились герои происшествия – Эдвин и Дэтчери; холостяк был еще бледнее обыкновенного.

Они нашли всё общество, ожидающее их одних, и немедля приступили к занятию приготовленных им мест. Эдвин нашел средство, ловко крейсируя в водах буксирного парохода, вытеснить из занимаемого им возле Розы места Мистера Грейджиуса; «Угловатый» только провёл ладонью по голове с затылка до подбородка и с деревянной поспешностью уступил позицию без боя.

Только что они уселись, как служанка объявила им о Мистере Дёрдльсе. Войдя в комнату, почтенный друг «Костлявых» стал посреди гостиной и, несмотря на все убеждения, простоял всё время в виде Каменного Гостя; мизантропические ночные наклонности заставляли его невольно жмуриться от освещения, как любого филина из старой Башни. Вообще вся наружность его в этот знаменательный вечер представляла из себя изображение сильно помятого ископаемого, только что вышедшего из неравной борьбы с допотопными «Костлявыми» из глубины какой-либо неосвященной могилы.

Встаёт Мистер Дэтчери, избранный всеобщим согласием «митинга» в президенты, *Чеермэна*⁴. Подавая Минор-Канону (в неловком, но приятном соседстве с Еленой) дневник, он произносит:

«Преподобный сэр, лэди и джентльмены, прошу позволения предварительно открытию Чтения сказать несколько слов в виде объяснительного спича о цели настоящего митинга. Всем нам было хорошо известен некий джентльмен (к сожалению *некоторых*, сильно наказанный Самим Провидением) по результатам своих преступнодействий, но не по начальным причинам, не по тайным поступкам вследствие лукавых намерений.

Провидение, наказавшее преступника, не пожелало скрыть навсегда от взоров жертв его всё то, что по совершении преступления казалось столь непонятным и загадочным для многих. Сегодня утром, приводя в порядок вещи и книги, принадлежащие тому, кого нам лучше не называть по имени, найден был самым неожиданным образом этот *дневник* – единственный верный свидетель и улика преступлениям его (следует подробное описание находки). Пробежав оный, я позволил себе ввиду чувств некоторых лиц из числа слушателей вычеркнуть те места, которые бы слишком растравили всю горечь их воспоминаний, и подчеркнув, напротив, красным карандашом все выписки, представляющие ясное объяснение всему, доселе непонятному в его успешных действиях, или же имеющие сильный интерес для присутствующих по самому содержанию фактов.

«Не угодно ли вам, Преподобный сэр, начать чтение?»

Вынужденный оставить своё уютное местечко Мистер Криспаркль, жертвуя собою ради общего интереса, садится напротив Мистера Сапсеа (начинающего глубокомысленно дремать) и, открыв дневник, начинает:

«Приехал Нэд сегодня. Мой ад начинается в прогрессивной перспективе с настоящей минуты. Любовь его к Розе – капля холодной воды в сравнении с моей любовью, разгорающейся, как целый огненный океан! Так что ж? Всё же счастье их должно свершиться, хотя меж ними нет ни любви, ни страсти; одна холодная привязанность, долг. О, Боже великий! Неужели должен я видеть, как отымают от меня мое счастье, и не трогаться с места? Разве не могу я помешать этому ненавистному браку, – но как? О, Роза, Роза! Как ты прекрасна!..»

«О, нет, нет! Не читайте! Я боюсь...» – восклицает маленькая Роза, бледная и дрожа от одного воспоминанья.

«Начало, номер первый!» – замечает Фарфоровая Пастушка с многозначительным взглядом на сконфуженного Септимуса.

Минор-Канон переворачивает две или три страницы дневника и продолжает:

---

³ «Будут ли они слушать, или не будут, ибо они мятежный дом; но пусть знают, что был пророк среди них» (Иез. 2, 5).

⁴ *Председателя* (англ. chairman).

«Мы говорили откровенно сегодня с Нэдом. Он признается в том, что не влюблен в Розу, но всё же женится на ней, так как то было желание отцов их...»

Роза дуется и отодвигается от Эдвина, шепчущего ей, что это было писано год тому назад.

«Небо великое! А я люблю её так безумно, что готов погубить душу свою навеки из-за неё! О, если бы мог один из нас троих умереть, – я предостерегал его сегодня вечером, насколько осмелился, но он не хочет понять, – и я дрожу при мысли, что он сам подписывает свой смертный приговор!»

Перевернув еще несколько листов, Минор-Канон продолжает:

«Надо постараться, если уж я решил, заслужить общее уважение и симпатию тех, которые могут оказать мне нравственную помощь со временем; я посетил сегодня Сапсеа в первый раз и нашел его тем, чем и ожидал...»

Минор-Канон приостанавливается, а Великий Муж прерывает его словами:

«Да, он выразил мне тогда же свое искреннее мнение обо мне, – произносит Сапсеа самодовольно, – и хотя я и ошибся впоследствии в нём, как это ни невероятно, но он, отдадим ему справедливость, не ошибся *во Мне* и сумел оценить Меня».

«... Нашел его тем, чем и ожидал, то есть...»

Совершенно сконфуженный Криспаркль хочет явно пропустить кое-что, но седовласый холостяк, извиняясь перед ним, учтиво (под тем предлогом, что Преподобный устал) берет от него дневник и громко продолжает читать прерванное:

«Я нашел его [тем], чем и ожидал, то есть дураком, обтянутым более мясом и костью, чем бы следовало на двоих таких же, и с весьма малым количеством мозгов; невежественным болваном, который, не зная ровно ничего, желает убедить весь свет в своём глубоком познании человечества. Я встречал и прежде несколько личностей в его роде, – хотя не до такой степени непроходимо глупыми, – и они были всегда сложены физически, как Мистер Сапсеа, – очень тяжеловесны и мясисты. Быть может, такие особы и приносят свою пользу в мире, быть может, общество нуждается для равновесия в подобных мёртвых тяжестях, – если так, то Сапсеи выполняют свою миссию бесподобно. Пока я был у Сапсеа, зашел Дёрдльс; разговор касался памятника мученице, жене Сапсеа, которую он, вероятно, убил⁵ тяжестью своего ума. Внезапная мысль поразила меня там же. Необходимо будет лучше познакомиться с Кафедральным Криптом⁶ и, если то возможно, заметить ключ от памятника Сапсеа, сделав на нём такой знак, чтобы легко можно было бы потом узнать и, сняв оттиск воском, добыть такой же. Я тут же решил сделать глубокую насечку на нём с помощью двух других ключей, и успел в этом, незаметно от других ударив ключ сильно и ловко другим ключом. Теперь я узнаю его, когда придёт время».

Во время этого бесцеремонного чтения Сапсеа, сидевший дотопле с крепко сложенными на мощной груди руками и вытаращив глаза, замечает глухим голосом, оттирая пот с высокого чела:

«Лэди и джентльмены! Совершенно ясно для всех нас, что несчастный преступник в эту самую минуту носил уже в себе зародыш безумия и сумасшествия! Все слова этого жалкого дневника должны подтвердить несомненную истину того, что я готов доказать перед целым светом!» – добавляет он вызывающим тоном в голосе и с театральным жестом жирной руки.

Никто не обращает, впрочем, никакого вниманья на⁷ вспышку раздражённого Ума; Минор-Канон получает опять дневник из рук Дэтчери и принимается снова за чтение с тем же сконфуженным лицом и краскою на щеках.

«Едва начинал созревать у меня в мыслях план о физической преграде к ненавистному браку, как вчера сама судьба помогла мне. Нэд и Ландлесс поссорились, и теперь мне становится еще легче действовать. Ландлесс влюбился в Розу с первой минуты;⁸ ловко возбудив в нём ревность и ненависть к Нэду, я могу заставить подозрение суда и публики пасть на этого черномазого дурака и таким образом одним ударом избавиться от обоих».

Заглушенный стон горя и отчаяния раздаётся из угла, где сидит печальная Елена, и рыдающая девушка обращает на себя все взоры.

⁵ Далее зачеркнуто: *сво*.

⁶ Дёрдльс.

⁷ Далее зачеркнуто: *эту*.

⁸ Далее зачеркнуто: *и*.

«Я так и знала, что это тем кончится!» – раздраженно замечает Пастушка, спеша на помощь к плачущей сестре Невилля и отбросив в негодование своём далёко от себя Пёстрога Змея прямо на колени Сапсеа.

Последний рассеянно рассматривает вязанье, не обращая ни малейшего вниманья на происходящее, – так поражен Великий Ум незаслуженным оскорблением.

Когда Елена оправилась от этого нового удара, все снова садятся по местам и чтение продолжается:

«Сапсеавская гробница окажет мне великую помощь. Я совершил своё путешествие с Дёрдльсом в крипт, и пока он находился под влияньем мёртвого опьянения от примеси моего сонного порошка к подаренной ему бутылке джину, я успел снять оттиск с ключа и обходить все галереи склепов один. Я увидел довольно, чтобы вполне убедиться, как легко будет мне избавиться навеки от Нэда. Зачем он не послушал моего предостережения? Скрыв тело его в гробнице, пока не утихнет первое впечатление в умах и не прекратятся поиски о нём, мне будет нетрудно затем бросить его остатки в яму с крепкой известью, указанную мне Дёрдльсом, скрыв таким образом навеки концы».

Минор-Канон умолкает, и дрожь ужаса пробегает в маленьком обществе при одной мысли от страшной участи, готовившейся бедному Эдвину. Все глаза устремляются в эту минуту с выраженьем благодарности на Дёрдльса, всё еще неподвижно стоящего посередине комнаты как сам призрак, вылезший из извести и мусора.

Все глаза, говорим мы, кроме глаз Сапсеа, так как никакое ужасное происшествие не могло бы поразить его теперь более, чем он поражен в своем достоинстве и самоличном мнении.

«Дёрдльс полагает так, – внезапно выговаривает дотоле безмолвный призрак, – что когда бы Дёрдльс да окунул его в ту самую ночь головой вперед в эту яму с известью да прикрыл бы его хорошенько камнем как “Костлявого”, то лучше бы было и для самого грешника и для всей остальной компании!»

И, облегчив себя таким удивительным заявлением готовности к самопожертвованию, Дёрдльс умолкает, снова впадая в каменную неподвижность.

Мистер Грейджиус заявляет также в первый раз в этот вечер хотя угловатое, но справедливое мнение, что он удивляется, как Громы Небесные давно не поразили Музыкальную Особу, способную на такой дьявольский, адский план! Как Небо не упало на него, чтобы раздавить его?

Хотя замечание его адресуется вообще к публике, но глаза его, рассеянно устремленные на сопящего Сапсеа, заставляют последнего принять слова его обращенными к себе, и он тотчас же отвечает с достоинством следующее:

«Без всякого сомнения, дорогой сэр, что подобная участь легко могла бы, и даже прибавлю, должна была бы, по всем вероятиям, постигнуть низкого преступника, если бы, к счастью своему, он не жил в Клоистергэме, где живут *Другие!*»

Последнее слово, хотя выраженное во множественном, тут же ясно понято всеми в единственном роде; и присутствующим внушено, что Небо, конечно, упало бы на Джаспера во всяком другом месте, кроме того города, в котором жил украшающий его Ум. Из одного сожаления к земной планете, которой невозможно было бы заменить такую драгоценность Возвышенного Разума, Небо приостановилось в своей карающей миссии из уважения к Мистеру Сапсеа, живущему в осужденном и проклятом – через грешника – городе.

Как только публика успела переварить эту замечательную истину, чтение продолжалось.

«Как сожалею я, что втянулся в эту несчастную, губительную привычку курения опиума. Пробуждение от оногo ужасное. Страшное видение посетило меня во сне сегодня. Видал Бетси Трендерс, и мёртвая говорила со мною; непонятные угрозы лились из мёртвых уст. Я должен сжечь письма, адресованные к Ренлоу, в эту же ночь. Если кто посторонний прочёл бы их, мне могли бы они наделать неприятностей. Ребёнок ее у Педларов. Фопперти может оказаться мне полезным, хотя я и не думаю, чтобы его сребролюбивая душа согласилась на преступление, задуманное мною. Слишком опасно пуститься на убийство из одной денежной выгоды. Завтра Сочельник Рождества. Нэд и Ландлесс ужинают у меня. Всё готово и обдуманно. Как бы я желал, чтобы всё уж было кончено и свершившимся!»

На этом месте дневника Елена и Роза, обе, заливаются слезами и объявляют, что не могут слушать далее. Маленькая Роза, закрыв глаза, прячется за спину Эдвина, который успокаивает её с помощью Грейджиуса, и общество решается продолжать чтение.

«Джон Джаспер – убийца! Огненные слова эти рисуются передо мною день и ночь. О, несчастный, зачем я так поспешил! Опекун Розы, этот холодный Автомат на сломанных рессорах, посетил меня сегодня вечером после целого дня *тщетных* поисков тела Нэда. Я узнал, что преступление было бесполезно. Роза и Нэд решились разойтись по обоюдному соглашению, и оба сделались свободны в другом выборе. Великий Боже! Зачем не узнал я этого ранее? Поздно, поздно! Как неосторожно и глупо с моей стороны сохранять этот дневник. Завтра сожгу его. Он погубит меня. О, несчастный мальчик, я плачу кровавыми слезами теперь за совершенное мною. Но тише, я не должен позволить раскаянию моему ослепить меня к другой опасности! Молодой Ландлесс может еще явиться главной преградой между мной и Розою. Роза могла узнать через сестру его, что она любима им; я должен найти против него окончательную улику и избавиться от него, если не виселицей, то довести его преследованиями до бегства из этой страны. За дело!»

«Помню хорошо, – замечает «Автомат со сломанными рессорами», – тот вечер, о котором он упоминает. И с той самой минуты убедился в глубине души своей, что сам он был преступником, которого так искал. Но прошу вас, продолжайте, Преподобный сэр!»

«Если какое-либо подозрение возникло против меня в Криспаркле,⁹ – а я убеждён, что если не он сам, то другие помогли ему в том, – то я заранее нашел средство для противодействия. Во время ссоры Невиля Ландлесса с Нэдом мне пришлось в голову сделать двойное издание дневника, и в самый вечер ссоры я записал в нём как бы предчувствия свои о могущих случиться последствиях. После *удачи моей* я сделал новую запись в пользу преподобного идиота...»

(«Да, – перечитывает Криспаркль, – “преподобного идиота”, и он не ошибся в имени, сознаюсь в том искренно и униженно!»)

«...Идиота, с тем чтобы отвести ему глаза, поверяя ему одному писанное. Последняя моя запись упоминала о том, что я поклялся посвятить остаток дней своих на отыскание убийцы и никогда более ни с кем не начинать разговора об убитом племяннике. Таким образом я достиг двух целей разом: иметь предлог избавиться от скучной необходимости притворяться с надоедающими мне личностями и ослепить его так, чтобы ни малейшее подозрение не коснулось бы его в случае, если я сделаю предложение Розе, а он узнает о том. Тактика удалась. Сладенький, краснощекий ханжа стоит за меня горою, я читаю это в телячьем выражении глаз его».

«Последние вульгарные выражения, – восклицает в сильном негодовании старая лэди, затронутая за живое в любимом сыне, – отымают от этого человека даже всякую поэзию преступления. Джаспер – низкий и неблагодарный человек!»

«Он совершенно прав, милая Ма, – отвечает Септимус, искренно смеясь над своим портретом и над негодованьем матери. – Он одурачил меня лучше всякого другого в этом деле, и боюсь, что многие из присутствующих разделяли его мнение. Более: я сам разделял бы его, если бы совесть¹⁰ не успокаивала меня в отношении исполнения в этом случае первой христианской обязанности: “Не осуждай, и не осудим будешь!”¹¹»

«Само Небо заставило его позабыть об истреблении этого дневника, – замечает Мистер Пеккрафт задумчиво, нюхая табак и поглаживая большую ногу. – Иначе много поучительного осталось бы нам неизвестным».

«Роза мне отказала, – продолжает читать Криспаркль, – отвергнув мое честное, страстное предложение с презреньем и негодованьем! Вся жизнь моя будет посвящена с этого дня к гибели этого черного негодяя, которого, я уверен в том, она любит!»

Несколько далее дневник содержал следующее:

«Условился с Фопперти насчет его поездки в Лондон: он должен нанять квартиру в том самом доме, где живёт Роза, помещенная там своим ненавистным мне опекуном, и стараться,

---

⁹ Далее зачеркнуто: *то*.

¹⁰ Далее зачеркнуто: *моя*.

¹¹ Лк. 6, 37.

следуя за нею, узнать, где скрывается Ландлесс. Решился увезть её силою, и завтра же условлюсь об цене с одним человеком».

Эдвин взглядывает при этом вопросительно на Розу, замечая, что желал бы узнать от нее неизвестные еще ему подробности этого злодеяния. Губы его сильно дрожат при одном воспоминании об поступке Джаспера, и теперь очередь Розы успокаивать его.

«Встретил Сландеса сегодня – самого нужного мне человека в настоящую минуту. Давно было потерял его из виду. За деньги всё готов сделать. Обещал доставить мне Розу, похитив и держа взаперти в своём доме, пока я не явлюсь. Надеюсь, что похищение удастся ему».

Далее:

«Всё благоприятствует моим планам. Роза в моей власти, и она должна будет выбирать: или выйти за меня замуж, или же умереть в своём заточении у Сландеса. Я предпочитаю видеть её мёртвую, нежели женой другого! Еду в Лондон вечером к старухе, которая, мешая мне опиум, доставляет своим зельем самые счастливые минуты жизни моей! Упившись блаженством (даже во сне оно блаженство), зайду к Сландесу узнать, как поживает там мой идол.

Проклятие! Роза убежала, – о, какой демон преследует мою любовь? Отчаяние мое столь сильно, что сама смерть была бы легче для меня!»

Одна из последних заметок дневника была, очевидно,¹² писана под влиянием тяжелых предчувствий и содержала следующие строки:

«Какой будет результат всех этих неудачных попыток? Я чувствую себя в положении человека, запертого в тёмной комнате, полной диких зверей, из которых я не могу видеть ясно ни одного, и ожидая, однако же, каждую минуту, что один из них вспрыгнет на меня и задушит в темноте. Что ж, бояться нечего: кроме смерти ничего не будет худшего, а я решился. Что-то ужасное ожидает меня, я это знаю: днём – вследствие непонятных, но ясных предчувствий, ночью – вследствие страшных, тяжелых снов. Более всех ненавижу я и боюсь, несмотря на всю учтивость обращения его со мной, квартирующего подо мной Дэтчери. Откуда явился этот человек? Зачем глаза его так преследуют меня и как будто стараются вычитать всю душу мою! Где видал я его прежде, не помню; мне даже кажется, что никогда я не видал его самого, но как будто знал кого-то, кто имел с ним далёкое сходство...

Непонятно! Я должен сжечь этот дневник; но не сейчас еще. Подожду, пока убежусь, что опасность близко; чувствую какое-то мрачное удовольствие перечитывать страницы его, напоминающие мне так живо сердца ненавидимых мною, которые я сумел так заставить обливаться кровью!

Теперь запру его в потайной ящик вместе с черным шарфом, купленным мною для Нэда, и оставлю их вместе в компании – один достоин другого. Я не имел духу решиться после того, как ошеломил Нэда ударом свинцовой палки по голове, задушить его собственными руками и шарф сделал верно и исправно своё дело. Потерянный мною ключ наделал мне много хлопот. Я должен был ожидать другой экспедиции в склеп и не имел времени и тогда снять другой снимок. Странно... мне даже кажется, что ключ этот не находился с другими. Я не имел, однако же, времени вполне убедиться в том, так нелепо подействовало на меня это виденье в склепе – дитя расстроенного воображения. Надо будет серьёзно заняться, однако же, переноской останков убитого тела в известь. Удивительное счастье благоприятствовало мне с тех пор, что это пьяное животное Дёрдльс ни раз[у] еще не заглянул в склеп Сапсеа... Но кто взял платье, положенное мною в подземный склеп? Очевидно, что я ошибся местом и что оно лежит нетронутое там до сей поры. Не вся надежда пропала еще... О, когда бы я мог освободиться от этого ненавистного Дэтчери!»

«Конец, – замечает Минор-Канон. – Эта заметка, как видно по числу, была написана за несколько дней до происшествия ужасной ночной бури. Вероятно, открытие исчезновения тела Мистера Друда заставило его потерять голову, иначе, быть может, и вам пришлось бы плохо, мой дорогой сэр», – прибавляет весело Криспаркль, глядя на Седовласого.

Не понимая доселе, почему Джаспер так ненавидел Дэтчери, так как почтенный Каноник никогда не догадывался о настоящей цели пребывания в городе холостяка, а последний открылся

---

¹² Далее зачеркнуто: *на*.

только одному Эдвину да Пеккрафту в последний день, Мистер Криспаркль не видел далее того, что ему говорили. Знай он о кровавом мщении, затеянном братом Бетси, он никогда бы не продолжал так долго дружбы своей с Дэтчери или же испортил бы всё дело несвоевременным открытием. Но Мистрисс Криспаркль как женщина была дальновиднее его, и поэтому, когда Септимус обратился к холостяку с следующим вопросом, пристально устремила глаза на старого холостяка.

«Не откроете ли вы нам теперь, Дэтчери, – говорит Криспаркль, – причину, заставившую вас принимать так к сердцу уличение Джаспера?»

Но Дэтчери, сильно побледнев, извиняется, намекая что-то о том, что когда-нибудь Преподобный узнает всё, и, встав поспешно с места своего, раскланивается. Но Эдвин не допускает его уйти и силою заставляет снова сесть, в то время как любопытная старушка качает многозначительно головою с чувством обманутого ожидания.

«Великая тайна исчезновения Эдвина Друда объяснена», – говорит Дэтчери, желая замять разговор о самом себе, направив его на другую жертву оскорбления Джаспера, Мистера Сапсеа, который дремлет на кресле своем, сохраняя даже в спящей позе выражение горделивого достоинства.

«Узнав от самого преступника о хитрых мерах, принятых им, не мудрено, что *даже догадливый* Мистер Сапсеа был обманут им, зная, по-видимому, как и прочие, о невозможности, в какой он находился, добыть от Дёрдльса ключ от памятника».

Услыхав вприсонках имя своё, Сапсеа выпрямляет кивающую голову, которая уподобляла за несколько минут до того Великого Мыслителя китайским глиняным мандаринам с головкой и шеей на рессорах, и, величественно вытаращив глаза на публику, так же величественно встает, дабы проститься. Совершенно ясно для всех, что благородный Мэр чем-то недоволен и даже как будто бы потерял частичку обычной всегда ему самоуверенности. Но он чувствует, несмотря на это, что не может оставить общество под губительным впечатлением своей психологии в дневнике, и поэтому, откашлявшись и став в приличную ораторскую позу, обращается к сидящей публике:

«Лэди и джентльмены: чтение из этого замечательного дневника поразило не одного *Меня* (выразительный указательный палец стреляет в грудь). Все мы узнали в строках одного развращенность души автора в совокуплении с жестокосерднейшим лукавством – таким, что почти невозможно было бы найти ему подобного в другом Англичанине. Выслушав, словом, до конца историю этой низкой души, и выслушав оную, так сказать, с Непредубеждённым Умом, и даже с Расширенным годами размышления Умом, добавлю, – он останавливается тут незаметно, дабы позволить им лучше пропитаться насквозь этой парентетической¹³ сентенцией и затем, как бы опасаясь, что они всё-таки не раскусили слово, повторяет его еще величественнее, – да, с Расширенным Умом, я дошел до собственного заключения. Быть может, вы удивитесь тому, что я успел *прежде всех других* дойти до разумного заключения; быть может также, что, зная меня за человека, дошедшего до совершенства в искусстве разгадывать с первого взгляда, так сказать, психометрически все тайны человечества там, где бы всякий другой вульгарный ум споткнулся бы только о непреодолимые препятствия, вы и *не* удивитесь. Но с какой бы стороны вы ни глядели на это дело, а факт останется фактом; и я повторяю, что пришел к верному заключению о всём читанном, которое и есть следующее: всё это дело представляет такую путаницу и бессмыслие, а что хуже всего, в нём так явно проглядывает желанье со стороны этого человека, Джаспера, столкнуть меня с вышины заслуженного мною пьедестала общественного уважения как Мэра города и частной личности, кои положения в обоих случаях, как всякий согласится, настолько выше критики, что заставляют даже ядовитую зависть замолчать, – что я заключил из всего этого, что всё дело, как оно теперь явилось перед нами, самая Анти-Английская, повторяю, Анти-Английская штука, о которой я когда-либо слышал».

Окончив свое замечательное решение, Мистер Сапсеа прощается со всеми и с большим достоинством и учтивостью величественно уплывает в обитель лучшего украшения родного города.

---

¹³ вводящей (англ. parenthetical).

Быть может, было бы кстати теперь, как мы должны проститься с Великим Человеком навсегда, упомянуть о том, что Мистер Сапсеа прожил до глубокой старости и никогда во всю свою жизнь ни разу не отлучался далее внутренних стен древнего Кафедрального Городка.

Да и к чему было бы оставлять ему его? Не было ничего на свете, по его понятиям, чего бы он не знал ни на самом земном шаре, ни вне оною, чего бы он не понял или не разгадал; чувствуя это и справедливо гордясь подобными познаниями, он не имел другого желанья, как прожить весь свой век в виде гигантской устрицы, выбравшей себе такую же мамонтовскую раковину, составленную из Суетного Величия, из коей раковины он временами вылезал под прикрытием брони ее лишь для того, чтобы удивить глазеющую на него публику чрезмерной обширностью как физических объёмов, так и объёма пустого пузыря, служившего ему головой.

Он сочинил собственную эпитафию для памятника своего задолго еще до смерти – происшествие (мы говорим о смерти его), в неизбежность коего он даже стал под конец сомневаться, так как подлежало большому сомнению в великом его уме то обстоятельство, откуда достанет себе столько смелости курносая посланница, чтобы решиться схватить Его – Сапсеа!? Заблаговременная эпитафия висела в собственном его рабочем кабинете в золотой раме и под стеклом. Часто огорчала его мысль, что общественные условия не позволяют ему заранее, еще при жизни своей, велеть её вырезать на мраморном памятнике и поставить пока над пустым склепом на восхищение и удивление проходящей публики. Но он стал чаще зазывать к себе гостей в последнее время и всегда сажал их прямо на нарочно устроенный для того диван против Эпитафии №2, достойной сестры первой, Этелиндиной, которая была снова вырезана над ее новым, еще более великолепным монументом на Клоистергэмском Кладбище; она поражала своим красноречием и трогательной скромностью всякого посетителя, удостоенного быть принятым Автором её.

Клоистергэмская хроника сохранила её не в одном воспоминании грядущих поколений. Как Мэр города Мистер Сапсеа, воспользовавшись своими правами украшать город всевозможными редкими произведениями, приказал вырезать ее дубликат на мраморе золотыми буквами (наскучив, вероятно, так долго ждать ее появления над своей собственной усыпальницей) и распорядился, чтобы её вделали в одну из стен судебной камеры на самом видном месте.

Эпитафия была следующая:

«Под сим покоится
Томас Абраам Сапсеа.
Владелец при жизни Своей
Возвышенного Ума,
Пропитывающего мгновенно всё, встречаемое Им.
Невзирая на то, что Природа оделила Его
Редкими Умственными Дарами,
Встречаемыми от Века до Века в простых Смертных
“не более”,
Он не забывал в Душевной щедрости о Невежестве
Своих ближних!
Стараясь развить их по мере их слабой Способности
Своими
Мощными Умственными Силами.
Творец восприветствует с радостью на Небесах
Подобный Разум,
С помощью коего Ему станет легче управлять Могучей
Планетарной Системой.
Прохожий!
Прочти и Удивись!
С благоговением
Помолись,
Чтобы подобный Ему Ум мог возрождаться в каждом

Из Веков Грядущих!»

Так как подобные Умы встречаются почти во всяком городе, и даже городке, станем надеяться, что «намёк к прохожим», заканчивающий Эпитафию Мистера Сапсеа, был понят и выполнен пунктуально и религиозно всеми прохожими Читателями этой прекрасной Загробной Идеи.